

– Добро, – сказал сэр Тристрам. – А теперь дайте им ответ, что ваш рыцарь готов к бою, ибо я скорее умру, защищая вас чем уступлю и сдамся.

– Я не сомневаюсь в вас, – сказал король, – что вы, если пришлось бы, сразились бы и с сэром Ланселотом Озерным.

– Что до сэра Ланселота, то он славится как лучший и благороднейший из рыцарей в мире, и, уж конечно, рыцари одной с ним крови – достойные мужи и страшатся лишь одного позора. А что до сэра Блеобериса, который приходится братом сэру Бламуру, то с ним я сражался, и потому, клянусь головой, мне не зазорно назвать его добрым рыцарем.

– Сэр, говорят, – сказал король, – что сэр Бламур из них двоих сильнейший.

– Что до этого, то хотя бы и так! Будь он даже лучшим из рыцарей, носящих щит и копье, все равно я не откажусь от поединка.

С тем отправился король Ангвисанс к королю Карадосу и остальным, кто посажены были в тот раз судьями, и объявил им, что нашел рыцаря, готового за него сразиться. Тогда, по велению королей, послали за сэром Бламуром Ганским и за сэром Тристрамом Лионским, дабы при них огласить условия поединка, и, когда они оба явились пред судьями, там собралось в это время множество королей и баронов, и когда увидели они сэра Тристрама, то много о нем было толков, ведь он убил сэра Мархальта, доброго рыцаря, и одолел другого доброго рыцаря – сэра Паломида.

Вот провозглашен был поединок, и разъехались они готовиться к бою.

И сказал сэр Блеоберис брату своему сэру Бламуру:

– Любезный и милый брат, – так сказал он, – помните о том, какого мы рода и кто таков сэр Ланселот Озерный, которому мы приходимся с братниной стороны ни много ни мало как родными племянниками. Никогда еще никто в нашем роду не терпел посрамления в бою, и потому, брат, лучше примите смерть, чем позор!

– Брат, – отвечал сэр Бламур, – не сомневайтесь во мне, я не опозорю мой род. Правда, тот рыцарь, как мне известно почитается одним из лучших, какие живут теперь на свете, но все равно я ему не сдамся и не произнесу ненавистных слов. Может статься, что он повергнет меня наземь своею рыцарской мощью, – тогда пусть он меня убивает, я пощады не попрошу.

– Бог да пошлет вам удачу, – сказал сэр Блеоберис, – ибо вы увидите, что он – самый могучий рыцарь изо всех, с кем вам приходилось сражаться. Уж я-то знаю, я сам бился с ним в поединке.

– Да поможет мне Бог! – сказал сэр Бламур.

И с тем сел он на коня в одном конце поля, а сэр Тристрам – на другом, и они, выставив и оперев копья, сшиблись с разгону, точно гром грянул, и сэр Тристрам, через великую свою мощь, сокрушил сэра Бламура наземь вместе с конем.

Но сэр Бламур тут же высвободил ноги из стремян, вытащил меч и, выдвинув щит перед собою, крикнул сэру Тристраму, чтобы он спешился. – Ибо хоть конь мой меня не выдержал, даст Бог, земля выдержит! Тогда и сэр Тристрам спешился и изготовился к бою, и стали они рубиться яростно, нападая, уклоняясь и нанося множество жестоких ударов, так что все короли и бароны только диву давались, откуда у них силы выстоять такое, ибо они бились, как безумные. Никогда еще до сей поры не видано было, чтобы два рыцаря рубились отчаяннее. Сэр Бламур нападал с таким пылом, что не оставалось и минуты дух перевести, и дивиться можно было, как это у них еще хватает силы держаться на ногах. Вокруг же, там, где они сражались, вся земля была залита кровью. Но вот под конец сэр Тристрам нанес сэру Бламуру по шлему такой удар, что тот так и повалился на бок, сэр же Тристрам стоял недвижно, глядя на него.

И вот, собравшись с силами, сэр Бламур заговорил и сказал так:

– Сэр Тристрам Лионский, прошу тебя, как есть ты благородный рыцарь и лучший боец, какому случалось мне встретить, убей меня, ибо я не хочу жить, даже если б сделали меня владыкой всей земли. Лучше пусть я умру здесь с честью, чем мне жить в позоре. И потому, сэр Тристрам, придется тебе меня убить, иначе ты не выйдешь победителем, ибо я никогда не произнесу ненавистных слов и не попрошу пощады. Так что рази, если смеешь, убей меня – я требую!